

В серии «Другие Миры»

ВЫШЛИ КНИГИ:

Ника Ветрова
Университет вредной магии.
Пособие по выживанию

Галина Гончарова
Против лома нет вампира
Не сотвори себе вампира

Ольга Куно
Горький ветер свободы
Черно-белая палитра
Чудовище и красавец

Вероника Мелан
Ассасин
Дэлл
Уровень: Магия
Бернарда

Ирина Котова
Королевская кровь.
Сорванный венец
Королевская кровь.
Скрытое пламя
Королевская кровь.
Проклятый трон
Королевская кровь.
Связанные судьбы

Ольга Гусейнова
Когда нет выбора
Сумеречный мир

Ольга Хусаинова
Академия Зла.
Испытание ведьмой

Нина Бархат,
Марина Багирова
Присвоенная

Жанна Лебедева
Сиреневый черный.
Гнев единорога

Алина Лис
Маг и его кошка

Лесса Каури
Золушки из трактира
на площади

Золушка вне закона
Золушки нашего Двора

Алиса Дорн
Институт моих кошмаров.
Здесь водятся драконы

Институт моих кошмаров.
Адские каникулы

Таис Сотер
Факультет прикладной магии.
Простые вещи

Факультет боевой магии.
Сложные отношения

Кира Стрельникова
Своенравный подарок

Дарья Кузнецова
Модус вивенди

Ольга Романовская
Песочные часы

Юлия Григорьева
Погоня за сказкой

Ирина Зволинская
Охота на дракона

Алина Полянская
Магистерия

Анна Невер
Обжигающий след

Екатерина Богданова
Академия времени

Марина Александрова
Соль.
Судьба первоходной

Вероника Мелан

БЕРНАРДА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М47

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке
Станислава Дудина

Мелан, В.

М47 Бернарда: роман / Вероника Мелан. - Москва :
Издательство АСТ, 2017. - 384 с. - (Другие Миры).

ISBN 978-5-17-105480-9

Умение телепортироваться при помощи только мысли — удивительный дар и большая ответственность. Эта способность стала для Бернарды каждодневным испытанием на прочность. Поможет ли она сохранить жизнь одному из членов отряда специального назначения? Смогут ли они выиграть битву против изворотливого врага на заброшенном уровне? Бернардлу ждет непростая игра, проигрыш в которой означает одно — смерть. Но возможно, любовь сумеет ее победить?..

ISBN 978-5-17-105480-9

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© В. Мелан, 2017
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2017

*Переступи порог миров,
Коснись основы мирозданья,
С судьбой отправься на свиданье
И пыль вдохни чужих дорог.*

*Он ждет тебя, большой и смелый.
Кто — Мир? Мужчина? Кто же он?
А может, предрассветный звон,
Что манит побороть пределы?*

*Вдохни. Шагни. Доверься сердцу.
Оно подскажет, где твой путь.
И жизни ты познаешь суть,
Открыв лишь внутреннюю дверцу.*

Глава 1

— Ганька!

Возмущенный крик кухарки сотряс стены большой уютной комнаты с камином, в эту минуту щедро освещенной зимним солнцем.

— Ганька, убери оттуда лапы!

На крик Клэр отреагировали, казалось, даже засохшие цветы на тумбе, задрожав в вазе, а вот рыжая кошка, именованная сначала Огоньком, потом Фитильком, а затем и Ганькой, не повела и ухом, продолжая с любопытством и усилием проталкивать когтистую конечность в стоящую на диване клетку, наполовину заполненную маленькими круглыми глазастыми существами. Обычно кошка охотно отзывалась на любое из данных ей имен (особенно когда дело касалось очередного приема пищи), но в этот раз хитрый рыжий ум был полностью занят тем, как выудить из клетки хотя бы одну пушистую особь.

— Дина, она всех Смешариков сожрет!

— Если сожрет, тогда Дрейк с меня шкуру спустит, — смеясь, ответила я, входя в комнату и наблюдая за тем, как Клэр стягивает отчаянно цепляющуюся за обивку дивана любимицу. Смешно было еще потому, что брошенное

один-единственный раз слово «смешарики» молниеносно прижилось в этом мире и теперь относилось к глазастым существам, сидящим в клетке. Другого названия у них не было все равно.

— Забери, пожалуйста, клетку в спальню. А то не пообедаем сегодня! Уже накрывать на стол пора.

— Хорошо, сейчас унесу. Мне все равно еще нужно раз двадцать перенестись — как раз успею, пока накрываешь.

Клетку с непонятными существами две с половиной недели назад вручил мне Дрейк, заявив, что теперь именно с их помощью я буду оттачивать телепортацию разумных объектов. Впервые взглянув на глазастых «нечто», напоминающих не то ожившие плюшевые игрушки, не то безротых и безухих гремлинов, я оторопело ткнула в них пальцем, держась, впрочем, на приличном расстоянии (вдруг где-нибудь в шерсти все же скрывается зубастая пасть?):

— Что это?!

— Не что, а кто. Это искусственно созданный подвид существ, обладающих памятью.

— А почему у них ни рук, ни ног?

— Чтобы не разбегались и не чинили дополнительных препятствий.

— А глаза зачем?

— Чтобы напоминали о том, что они живые.

Я недоверчиво покосилась на клетку, ожидая скрытого подвоха. На меня смотрели несколько десятков пар глаз, выражение которых не поддавалось расшифровке.

— Они мне не нравятся.

— А они и не должны тебе нравиться. Ты будешь их телепортировать с одного места на другое, чтобы мы смогли определить статистику потерь. Ежедневно по несколько сотен раз. Куда и откуда, меня не интересует. В конце каждой недели я буду проверять результаты: количество особей, качество памяти. Когда сможешь производить телепортацию без потерь в течение хотя бы семи дней, позволю работать с людьми. А теперь марш домой. Вместе с клеткой!

Так у меня появились Смешарики. И целый ворох работы дома в виде постоянных скачков по комнатам обособняка.

Чтобы не шокировать повариху, одновременно занявшую нишу подруги, пришлось (с разрешения Начальника) посвятить Клэр в особенности моей работы: кто я и на кого работаю. Та, к моей радости, удивлялась недолго, к вопросу подошла прагматично, заявив, что «раз уж и такое на свете бывает, значит, оно зачем-то нужно», после чего со слоновьим спокойствием принялась изо дня в день наблюдать за моей эпопеей с клеткой, подлавливая меня время от времени на кухне, чтобы обсудить меню на день.

Как только клетка была убрана в спальню и накрыта тряпкой (накрывать Смешариков я приучилась из-за постоянно глазающих на меня очей), а Ганьке вход в заветную комнату закрыт, мы сели обедать.

— Как результаты на этой неделе? — с интересом спросила Клэр, намазывая теплую булочку маслом.

— Хорошо. Пока не потеряла ни одного. А память проверяет Дрейк, тут не знаю.

— Вот молодец! На прошлой неделе пропал один, так?

Оглядев «диетический» стол, ломившийся от блюд, я усмехнулась. Клэр есть Клэр.

— Да. И у одного стерлась память.

— А в первую неделю недоставало аж четырех. Видишь, прогресс налицо!

— Все равно жалко, когда пропадают.

Я аккуратно оттеснила лезущего на колени кота Мишу и вздохнула, вспомнив, как расстроилась, когда обнаружила первые потери. За все время работы со Смешариками я так и не сумела определить, нравятся мне эти существа или нет. Подумаешь, ни рук, ни ног. Но ведь глаза-то есть... Все-таки живые, хоть и молчат все время. Не сумев прийти к однозначному выводу и теперь, я на автомате погладила Михайло, вытерла шерсть с ладоней салфеткой и принялась за еду.

Если положительный результат будет сохраняться, тогда работа с людьми не за горами. Это радовало.

За прошедшие две недели поменялось не многое. Но кое-какие изменения моя жизнь все же претерпела.

Во-первых, она стала более размеренной и спокойной. Во-вторых, в силу того, что теперь бóльшую часть времени я проводила в особняке, я очень сблизилась с Клэр.

Признаться, поначалу на лице у поварихи при упоминании Комиссии, как и у многих жителей Уровней, появлялось выражение ужаса, которое моя новоиспеченная подруга старательно прятала, но по мере осознания того, что люди в форме не спешат посещать наш особняк толпами, не домогаются без причины и вообще не имеют личных претензий, она успокоилась.

По вечерам, когда наступало время отдыха, мы общались на различные темы, сидя перед телевизором, и по мере возрастающего любопытства Клэр осмеливалась задавать все больше вопросов обо мне, моей работе, личной жизни, семье. На одни я отвечала открыто, на другие с виноватой улыбкой пожимала плечами: мол, не могу этого поведать. Она не обижалась. Понимала, что человек, нанятый Комиссией, не способен раскрывать все тайны, мягко уходила от темы, оставляя моим секретам право на неприкосновенность, и вновь погружалась в вышивку, которую очень любила.

Оказалось, у моей подруги имелся настоящий талант украшать ниточными узорами кухонные полотенца и скатерти, переносить на них замысловатые натюрморты или цветочные орнаменты. В искусно вышитые листки и лепестки добавлялись бисер и бусины, после чего готовыми изделиями категорически не хотелось пользоваться, дабы не осквернять красоту.

Клэр в ответ только смеялась, а Огонек — рыжая бездельница, полностью равнодушная к искусству, — всласть мешала творческому процессу: воровала из коробочки нитки, загоняла их под все плоскодонные предметы, такие как диваны, кресла и холодильники, силилась поймать за хвостик спящую туда-сюда в ловких руках яркую веревочку, пыталась забраться по свисающему с коленей краю скатерти на ноги, чтобы получить очеред-

ную порцию ласки, чем неизменно вызывала поток добродушных укоров со стороны хозяйки.

Миша степенно и несколько укоризненно наблюдал за всем этим с моих коленей, но рыжую соседку все же любил. Иногда они вместе носились по дому, после чего впопалку спали на диване, сложив друг на друга лапы и хвосты. Дружба, да и только.

К слову сказать, утренние пробежки в парке к этому моменту я полностью забросила.

На дворе стоял декабрь — и энтузиазма похрустывать по снегу подошвами кроссовок не было. К тому же старые вещи теперь болтались на мне, как на вешалке, и Клэр прямо заявляла о том, что никаких «диет» с этого момента быть не должно, одно лишь здоровое питание, приготовлением которого она исправно занималась.

Я, признаться, была рада тому, что могу вновь побаловать себя кусочком шоколадки или пирожного — не тонной, как раньше, а в разумных пределах, — зная, что следующий поход в реакторный зал быстро выжжет из организма излишки. А учитывая, что Клэр имела слабость к приготовлению фруктовых и шоколадных лакомств, подобные поблажки без укоров совести были мне, бывшей сладкоежке, настоящим подарком.

Таким образом, в моей достаточно размеренной жизни днями я была занята телепортированиями Смешариков, отвлекаясь только на насущные дела и перекусы, а ближе к вечеру — если позволяла погода — гуляла по городу, практикуя полученные от Дрейка советы. Следила за эмоциональным состоянием, позитивным настроением, тем, что и как говорю, пребываю ли в настоящем моменте.

И только ближе к ночи позволяла себе немного потосковать, в чем конечно же никому не признавалась.

Забравшись в постель, я часто думала о том, как сильно соскучилась по Начальнику. Этот сложный мужчина-загадка продолжал притягивать к себе словно магнит, и влечению сопротивляться не было ни сил, ни желания. За последние недели мы виделись всего лишь дважды (в обоих случаях для того, чтобы сканировать состояние Смешариков), едва ли обмениваясь парой фраз на сто-

ронные темы. Дрейк был постоянно чем-то занят и даже замкнут, поэтому я не провоцировала его на новые встречи, вместо этого пытаюсь втихую работать над собственным фоном в надежде на то, что однажды он изменится настолько, что позволит мне коснуться возжеленного объекта.

Долгие минуты, а иногда и часы я проводила лежа в постели, изменяя внутренние установки и убеждения.

«Я могу его коснуться, и ничего мне не будет. Совершенно спокойно могу его коснуться... В любое время, без последствий...» Но, признаться, знакомой уверенности и «клика» в голове почему-то не слышала. Будто схемы и соединения из влияющих на мир символов не спешили меняться. Отчего так? Кто бы знал... Но я продолжала работать над этим с упертостью барана. Однажды все равно «кликнет». Должно ведь, так? А когда это произойдет, я позволю себе первый эксперимент и прикоснусь к мужчине, которого люблю.

Думая об этом, я счастливо вздыхала и куталась в одеяло. Нужно просто еще поработать и еще подождать. Терпение — и все придет.

По дому, каким бы странным это ни казалось, я почти не скучала. Там, для застывших во времени жителей родного города, все оставалось тем же самым: недавно выпавший снег, начало ноября, привычные заботы и хлопоты. Иногда я задумывалась над тем, чтобы вернуться и погулять по знакомым улицам, посидеть на кухне с мамой, переночевать в своей постели или навестить бабушку, но что-то удерживало меня. Возможно, страх того, что родня в очередной раз что-то заметит и этим вынудит меня обратить взор внутрь, к сущности, способной помочь в критический момент посредством изменения еще чьей-нибудь памяти. А я не чувствовала себя к этому готовой. Проще говоря, боялась того, что Творец вновь откроет глаза. Поэтому находила всевозможные мысленные отговорки для совести, чтобы та не настаивала на срочном исполнении дочернего долга.

Временами попыткам заснуть мешала не только совесть или образ Дрейка, но и странное шуршание, доносящееся из-под накрытой клетки: то, как я поняла позже, копошились непонятные существа, обожающие на меня глазеть. Что еще им оставалось делать, если кроме глаз Создатель ничего не дал? Ведь если есть память — есть разум. Если есть разум — наверное, есть желания. А они все время в клетке и в клетке. Так ведь и со скуки умереть можно...

Однажды я даже поднялась с кровати, включила лампу и сдернула тряпку, разглядывая молчаливых существ. Шуршание тут же унялось. На меня привычно уставились многочисленные глаза.

Выдержав паузу и отчего-то чувствуя себя неловко, я спросила:

— Вы хоть спите иногда?

Тишина и куча немигающих взглядов были мне ответом.

Присев у клетки, я задумалась. Вот было бы хорошо, если бы эти существа могли больше, чем просто глазеть. Например, понимать меня, чувствовать, как-то себя вести, полноценно жить... Возможно, Дрейк не сказал мне всей правды и где-то у них был свой мир, своя планета? И что случится, когда эксперимент по переносам будет завершен? Вероятно, их уничтожат... Неприятная мысль.

Я вздохнула. И для того, чтобы им не было слишком одиноко, представила, что укутываю их светящимся одеялом, состоящим из любви и ласки. Если доброе слово приятно и кошке, то почему бы не поделиться им со Смешариками? Чем черт не шутит, может быть, почувствуют.

Пожелав им вслух спокойной ночи (при этом чувствуя себя глупо: так, будто пытаюсь говорить с пластиковой куклой Барби), я уже было собралась накрыть клетку, когда в воображении вдруг возникла круглая миска, доверху наполненная свежими ягодами. Застыв на секунду в непонимании, я тряхнула головой. Откуда в мыслях ягоды? Неужели хочу сама? Покопавшись в ощущениях, решила, что не хочу, после чего завесила клетку и отправилась спать, чтобы через минуту полностью забыть о непонятном видении.

А еще через несколько дней после того случая я приучилась постоянно говорить со Смешариками. Здороваться утром, объяснять, что собираюсь делать днем, убеждать, что совершенно не хочу их терять во время переносов, благодарить за то, что они не пропадают, желать спокойной ночи перед отходом ко сну и неизменно кутать их в светящееся одеяло. Отчего-то казалось, что непонятные существа все понимают и даже чувствуют, хотя видимых признаков этого не подают. И еще несколько раз на ум приходили ягоды. Почему-то всегда вблизи клетки.

Клэр слушала мои недоуменные комментарии по этому поводу и встревоженно спрашивала:

— Может быть, они есть хотя?

Подобные мысли приходили на ум и мне, в чем я не спешила признаваться, вместо этого отговариваясь:

— Так ведь у них ртов нет.

Клэр кивала.

— Да и клетку тогда, наверное, придется открывать...

А делать этого по молчаливому согласию нам не хотелось. Кто их знает, этих гремлинов? Раскатятся по дому, потом до вечера не соберешь, а ведь еще Ганька...

Поэтому эксперимент с ягодами и Смешариками изо дня в день откладывался.

И вот настал момент, когда третья неделя подошла к концу. Те самые семь дней, за которые я не потеряла ни одного глазастика из клетки.

А это, судя по всему, сулило перемены.

Назавтра предстояла очередная встреча с Дрейком.

* * *

Телефонный звонок прорезал тишину в половине второго ночи.

Вынырнув из успешного захватить меня в сладкие объятия сна, я попыталась в темноте нащупать невежливо орущий на всю спальню сотовый, вслепую шлепая рукой по прикроватной тумбочке.

Какой гад мог звонить в такое время? В Нордейле редко ошибались телефонными номерами. А ведь мне с утра вставать, ехать в Реактор на встречу с Начальником...

Гладкая поверхность наконец-то попала в пальцы, яростно вибрируя и издавая неприлично громкие для такого времени суток трели. Черт, как только закончу разговор, сразу же сменю звонок на колыбельную.

Наугад ткнула в кнопку ответа. Попала.

— Алло... — хрипlostью голоса я могла соперничать со «звездами» телефонного секса или же алкоголиком в период простуды. — Алло, говорите...

В трубке поначалу никто не ответил, но раздался какой-то шум. Затем еще и прерывистое дыхание.

Что за шутки? Неужто бытовое баловство? Разозлившись, я уже было открыла рот, чтобы разом нарушить все заученные заповеди Дрейка, когда на том конце все же раздался голос человека.

— Бернарда... — прохрипел он до того натужно, что волосы на моей голове моментально встали дыбом, — ...приведи... (тяжелый вздох, звук бьющегося стекла на фоне)...Лагерфельда...

Сон мгновенно слетел, как будто его и не бывало, я резко откинула покрывало и села на кровати. В окно светил яркий белый круг луны.

Кто этот человек? Почему я не узнаю голоса? Откуда он знает мое имя и телефон и почему просит привести доктора? Что вообще происходит?

— Кто вы? Куда я должна привести Лагерфельда?

В ответ лишь очередной выдох.

— Пожалуйста, ответьте!

На том конце раздался хрип и глухой звук чего-то тяжелого, упавшего на пол (тела?!), а затем телефон, по-видимому, выпал из руки мужчины.

Что за черт! Очевидно, кто-то ранен. Но кто?

Не успела я отнять телефон от уха, чтобы взглянуть на номер, как в трубке раздался всхлипывающий женский голос:

— Я не знаю, кто вы, но Халк просит вас привести к нему Стивена Лагерфельда. Вы можете?

Девушка снова всхлипнула.

— Кто просит?

— Халк Конрад. Не знаю, он почему-то набрал ваш номер. Он ранен, скорее всего умирает, пожалуйста, быстрее...

Не на шутку встревожившись, я судорожно покивала темной комнате:

— Конечно-конечно... Сейчас. Уже иду. Ждите.

Отключив звонок, я затравленно оглядела спальню.

Куда идти? Черт! Что делать вообще?

Бросив телефон на еще хранившее остатки тепла одеяло, я забегала по комнате в поисках какой-нибудь одежды, одновременно раздумывая над тем, стоит ли связаться с Начальником. По всему выходило, что стоит, иначе головомойки не избежать.

Натягивая первую попавшуюся в шкафу майку, я пыталась собрать разлетевшиеся вспугнутой птичьей стаей мысли в подобие порядка.

Переместиться сначала к Дрейку? Спросить лично? Но куда? Если он в Реакторе, который перемещается в пространстве, то снова попаду в другой кабинет, где засяду до выяснения деталей в озоновую клетку. А если Начальник уже дома? Не перемещается ли его особняк в пространстве так же, как и Реактор? Нет, рискованно. Тогда что?

«Представителям Комиссии вообще не требуются дополнительные средства связи. Ни ноутбуки, ни телефоны. Мы способны общаться между собой телепатически...» — всплыла в голове оброненная когда-то Дрейком фраза.

Ну конечно! Не нужно даже звонить, глупая я голова! Тем более что такая простая вещь, как сотовый телефон, вообще почему-то вылетела из памяти.

Так или иначе, быстрее всего было отправить мысленный запрос, чем я и занялась.

Усадила себя на кровать, закрыла глаза, скрестила пальцы на удачу и торопливо отправила Начальнику послание следующего содержания:

«Халк в опасности. Срочно нужен врач. Могу я действовать на свое усмотрение?»

Следующие несколько секунд показались мне самыми долгими в жизни. Глаза словно в замедленной киносъёмке успели выхватить скомканное одеяло, лежащую на нем изогнутую тень от окна, будто прочерченную толстым карандашом, белесые росчерки лунного света на ковре и мерцающий нефритом удивленный кошачий взгляд с подушки. Миша, лежащий в изголовье кровати, никак не мог уразуметь, из-за чего в спальне вдруг случился переполох.

Ответ от Дрейка пришел тогда, когда я протянула руку к подушке, чтобы погладить кота. В голове ярко вспыхнули белые строки текста, заставив пульс ускориться.

«Действуй. Под свою ответственность».

Ох! Коротко и емко. Весьма и весьма в духе Дрейка — дать разрешение и тут же напугать возможными последствиями в случае ошибки. Но на то он и Дрейк, чтобы всегда быть в своем репертуаре. Главное — разрешение получено.

Подскочив с постели и сделав три круга по спальне, я успела несколько раз подумать об одном и том же: я не могла отыскать дом Лагерфельда, ни разу не посетив его. Как не могла я прыгнуть в штаб Уровня «Война» лишь для того, чтобы поинтересоваться, не там ли врач. Все это безнадежно глупо и непродуктивно. А если Лагерфельд там, но находится где-нибудь на поле боя? Тогда что — лезть под пули?

Как ни крути, не зная места прыжка, можно было прыгать только непосредственно к самому объекту, моля бога о том, чтобы не приземлиться где-нибудь за бортом корабля или вертолета (нужное подчеркнуть), а еще не угодить ногой в медвежий капкан или на мину. Но риск есть риск. Придется действовать так же, как когда-то с Мишей: вызывать в памяти лицо объекта и пытаться сигануть в неизвестность.

Мама моя! Только не опять... как тогда, в залив, рядом со статуей Свободы. Но других вариантов нет. Времени на раздумья тоже. Надо действовать.